

Московский комсомолец,
1964, 1 ноября.

БОЛЬШАКОВ и НАСТЯ

Новая роль Люсьены
Овчинниковой

МЫ ЗАСТАЛИ ее врасплох. Она бродила вдали от ярких лучей юпитеров и софитов, вдоль декораций старинного крымского городка (в том же павильоне «Мосфильма» снимался и «Гранатовый браслет»), сосредоточенно просматривала сценарий.

— У нас каждый день изменения. Приходится перестраиваться на ходу. Фильм «На завтрашней улице», — говорит Люсьена Овчинникова, — будет сильно отличаться от своего первоисточника — пьесы «Сын века». Особенно меняется моя героиня. В пьесе она проще, я бы сказала, примитивнее. Ее перерождение свершалось чуть ли не вмиг. Здесь же... — и, перебивая себя, — но я вам лучше расскажу о ней...

Живет Настя вроде бы без-

думно, весело. Всегда ладно одетая. Работает. И внешне ничем от девочек не отличается. А постройке слух нехороший о ней ползет: «Отзывчивая. В друзьях неразборчивая». Товарики взглядами косыми провожают, есть и такие, что просто «совестятся» говорить с ней.

Ну, а ей наплевать! Она смеется чуть ли не в лицо всем. Держится вызывающе. Норму она выполняет. А то, что водку пьет и дружок у нее имеется, — пусть завидуют эти добропорядочные, готовые направо и налево морали читать.

Может, и Большаков, новый парторг, тоже будет иллюстрировать работу с массами — устроит ей проработку?

Он к Насте как-то странно относится. Говорит просто, интеллигентно, сочувствует. «Знаем

мы их сочувствие. Пожалел волк овцу», — рассуждает она, недоверчивая, но не избалованная чужим вниманием (это при стольких-то кавалерах!), приглядывается все же к нему с удивлением. Странный какой-то. Словно не от мира сего. Переживает за каждого. Дом свой рабочему отдал, а у самого в Москве семья. Скучает ведь, по-ди. Платонову — начальнику стройки, которому никто не осмеливается возражать, перечит: реабилитированного старика-инженера выгораживает, тот совсем было потерялся от окриков Платонова. Собрание странное такое устроил: о чуткости и внимании к каждому. Мол, резкое слово или неприязненный взгляд гасит в человеке инициативу творческую...

А сам не промах, как ловко осадил Костю, дружка ее, когда тот было в пылу ссоры за нож схватился.

— Красивая, — говорит, — вы, Настя, молодая. Глаза у вас красивые. Строгие.

Это у нее-то? Ответила бы ему по-свойски. Да не идет глупость с языка. Неловко как-то.

А он вдруг: «Хочешь крановщицей стать?» Да кто ж ей доверит? Она ведь аварию устроила. Ее со стройки метлой...

...В узких модных брючках, в ладных туфельках спешит, не поспевает она за Большаковым, ведет он ее в бригаду обучаться на крановщицу (не дал-таки уволить ее со стройки). Неужто она такой машиной управлять будет?

И станет Настя крановщицей. И в беде окажется настоящим другом. Ей-то хорошо известна цена дружеской поддержки.

— Самое трудное в роли, — продолжает Люсьена, — показать не напускную браваду, скрывающую боль и обиду на мир, а то, как медленно, недо-

верчиво «оттаивает» она сердцем. Еле уловимые нюансы, скупые оттенки, без которых роль потеряет свою жизненность.

Вот, пожалуй, почти все о Насте и совсем немного о ее «крестном» Большакове, человеке страстном и непримиримом, человеке прекрасной души, которого никогда не забудет Настя.

Роль Большакова исполняет Г. Куликов. Платонов — В. Самойлов. Ставит фильм режиссер Ф. Филиппов. Оператор И. Черных.

